

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации

«Топос границы в художественном мире Пауля Шеербарта»

Беларева Александра Николаевича

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 –

литература народов стран зарубежья (литература Европы)

(Москва, 2019. 24 с.)

Диссертационное исследование Александра Николаевича Беларева «**Топос границы в художественном мире Пауля Шеербарта**» является новаторским научным проектом, посвященным исследованию одной персоны из канона немецкой литературы конца 19 – начала 20 вв. Диссертация является концептуально завершенным научным продуктом, имеющим безусловную эпистемологическую ценность для историков и теоретиков литературы, особенно же в контексте истории немецкой литературы.

Хотя, повторюсь, теоретические экспликации в работе А.Н. Беларева важны для понимания природы транс/интермедиального (интерсемиотического) художественного мышления, представленного в произведениях Пауля Шеербарта.

Работа композиционно продуманная, логика нарратива не вызывает сомнений или же критики. Речь идет о работе, которая возвращает в современное литературоведение творчество писателя, чьи произведения проливают свет на формирование модернистского мировосприятие в

синестезии разных художественно-психологических модальностей. Проза Шеербарта не была предметом комплексного изучения в работах постсоветских германистов, и лишь несколько лет назад имя Пауля Шеербарта было реактуализировано в каноне истории немецкой литературы.

Все это свидетельствует о безусловном новаторстве исследования и актуальности работы А.Н. Беларева, который подготовил качественную диссертацию, по крайней мере, об этом можно судить на основании автореферата.

Как и любому исследованию, которое является вкладом в науку, диссертации присущи дискуссионные моменты, которые было бы желательно прояснить. Так, в работе не представлен срез философско-мировоззренческих трансформаций, присущих немецкой литературы указанного периода и в генетической связи с прошлыми культурно-историческими эпохами. Немецкая литература Просвещения и Романтизма значительным образом впитала в себя философские идеи классиков немецкой философии: таких, как Кант, Шеллинг, Фихте, Гегель, Ницше. В диссертации, по крайней мере, в автореферате связь Пауля Шеербарта с немецкой философией не прослеживается, в особенности в таких аспектах, как представления о природе (Шеллинга), мировом духе, который стремится к самопознанию через фундаментальные домены, как искусство, право, философия (Гегель), идеи субъективного идеализма (Фихте), переоценка всех ценностей (Ницше). А.Н. Беларев акцентирует на особенностях создания иного языка у Пауля Шеербарта. Такие идеи присущи философам английского и немецкого Просвещения, причем уже раннего (Дж. Локк и проч.). Новалис в немецкой литературе озвучил проблему онтологии языка в связи с необходимостью выйти за границы языкового и пространственного (в произведениях) предела. Немецкие романтики хотели деавтоматизировать письмо, приблизить его к тому, что соотносится с категориями онтологии и метафизики жизни как искусства и искусства как жизни. В произведениях Э.Т.А. Гофмана находим отголоски игры с реальностью, хотя стоит отметить, что в художественном понимании проза Гофмана — это уже закат

романтизма. Далее — философский переворот «философа без школы» Ф. Ницше. Что символизируют поиски нового языка у Пауля Шеербарта? Желание показать кризис языка, о чём будут говорить лингвисты уже в начале XX века (Л. Витгенштейн, представители пражского лингвистического общества, Б. Рассел и проч.)? Это определённый тип игры, присущий уже модернистскому мышлению? Это необходимость приблизиться к метафизике языка, подобно тому, что присуще немецким романтикам? На каких принципах стоит новый язык и новое пространство (художественный мир напрямую связан со стратегиями языка) в произведениях Пауля Шеербарта? Безусловно, речь идет об игре, но что стоит за игрой в парадигме смысла?

Сам писатель владел знаниями не только о языке и литературе, но также и об архитектуре. Каким образом это отразилось в его произведениях в аспекте приближения героев к *ad realiora*? Присуще ли прозе Пауля Шеербарта стремление воссоздать полноту бытия, приблизиться к пониманию жизни в ее архитектонической онтологии через игру, через проектирование разных фантастических сюжетов и ситуаций, за которыми свои философские предпосылки, подобно «Путешествиям Гулливера» Дж. Свифта?

В чем заключается суть экспериментов в прозе Пауля Шеербарта? Безусловно, эксперимент с языком, с очертаниями художественного пространства даёт возможность увидеть границы: миропонимания, познания, когнитивного восприятия мира. Диссертант утверждает, что «основная причина тематизации границы у Шеербарта состоит в том, что главным сюжетом его произведений является встреча с другим миром. Эта встреча может происходить по-разному: как космическое путешествие (путь к другому миру), как мистическая смерть-перерождение, как экскурсия по фантастической промышленной или художественной выставке, как вторжение другого мира в виде грэзы или как астрономическое наблюдение» (автореферат, с. 4). Например, для Новалиса художественное пространство соединяло в себе вымышленные и реальные миры, в которых были свои

точки перехода и, соответственно, свои границы. Не знаю, насколько было бы правомерным говорить о художественном пространстве Новалиса как таком, что репрезентирует зародыши жанровых паттернов таких явлений, как science fiction и fantasy, но все же уже в немецком романтизме наблюдается подобная тенденция. Диссертант утверждает, что в произведениях Пауля Шеербарта представляют попытку создания «программы нового искусства в литературной форме» (автореферат, с. 4). Подобные утверждения опять-таки отсылают меня к немецким романтикам или же даже к Гете, который также своими произведениями создавал пространство (и границы) для нового искусства. Важно было бы объяснить, что стало для Пауля Шеербарта тем источником, генерирующим «сложное сочетание жанров планетного романа, романа-утопии, пародийной антиутопии, мистического романа, романа-путешествия. Все большее внимание литературоведов и здесь привлекают пограничные жанры и переходные фигуры» (автореферат, с. 6). В чем же природа такой пограничной ситуации? Какого плана данная *переходность*? Речь идет уже о модернистском мышлении? О мышлении, которому присущ определенного рода катастрофизм и стремление описать действительность нового времени после миллениумно-апокалиптического и пограничного 1900 года? Диссертант утверждает, что на мировоззрение писателя повлияли «различные религиозные и эзотерический учения» (автореферат, с. 6). Подобные тенденции присущи писателям не только немецкой литературы, но и других европейских литератур: французской (Лотреамон, Гюисманс), бельгийской (Метерлинк), польской (Выспяньский). Безусловно, данная работа дает интереснейший материал для сопоставительного исследования топоса границы в европейских литературах указанного периода. Данная постановка проблемы даст нам понимание тех эпистемологических рамок (опять-таки и границ), в которых пребывали сами писателя, стараясь в тоже время выйти за них путем привлечение в собственное сознание, а потом и в художественный мир опытов оккультизма и мистики, эзотерики и натурфилософии, кабалистики и гностицизма.

Кроме того, в случае с Шеербартом приходится говорить о влиянии литературы на архитектуру (диссертант утверждает, что идеи писателя о «стеклянной архитектуре оказали влияние на архитектором-экспрессионистов» (автореферат, с. 8). Что же тогда было в основе мировоззрения писателя: слово или графический (визуальный) образ? Важно было бы установить или же спроектировать модель художественного мышления писателя, которому присуща особого рода трансмедиальность в самом взгляде на природу вещей.

Основная цель, сформулированная в диссертации, кажется не до конца раскрытой либо же не до конца оформленной в дискурсе автореферата. Цель, безусловно, интересная: «понять и продемонстрировать специфику образов пограничного в творчестве Шеербарта» (автореферат, с. 10). Безусловно, для достижения поставленной цели необходимо разобраться с истоками художественного сознания писателя, понять их границы, очертить философскую парадигму, в поле которых пребывал писатель.

Также хотелось бы уточнить у диссертанта: говоря о том, что произведениям Пауля Шеербарта присущ «переход границы и этап взаимных метаморфоз (превращение в планету, обретение нового тела, растворение в космосе)» (автореферат, с. 11), насколько данный переход представлен в христианской парадигме? Говоря проще, связан ли мотив «растворения в космосе» с такими явлениями, как экпироресис, апокатастасис, палингенезия? Или же здесь преобладает влияние «мистической доктрины» (автореферат, с. 14). Что имеется в виду под идеей возвращения в литературу «религиозного измерения» (автореферат, с. 11)? Речь идет об особом восприятии художественной практики и самого пространства как некого сакрального явления, подобно тому, что осуществляли ранние символисты в России (Мережковский, Розанов... как, впрочем, и Вагинов уже в конце пути символистского преобразования мира). Хотелось бы более детально услышать ответы на заданные вопросы, которые носят характер дискуссии или же наделены импульсом к дискуссии.

Безусловно, исследование (диссертация) должно побуждать к постановке вопросов для дальнейшего поиска. В связи с этим хотелось бы узнать о перспективах для дальнейшего исследования творчества Пауля Шеербарта, поскольку, как мне показалось, такого завершающего параграфа не хватает в автореферате.

Диссертация показывает эрудицию ученого. Это готовый на концептуальном уровне научный проект, который может быть успешно защищен. Новаторство работы не вызывает сомнения, вклад докторанта, бесспорный, а актуальность исследования достаточно ярко прописана в автореферате, чтобы убедить научное сообщество в том, что данная работа демонстрирует новые векторы для изучения зарубежных литератур Европы.

Высказанные критические соображения носят рекомендательный, дискуссионный характер и призваны способствовать повышению научной значимости исследования, предпринятого А.Н. Беларевым. Докторант, безусловно, заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература Европы).

Отзыв составил

кандидат филологических наук,

научный сотрудник

отдела мировой литературы

Института литературы им. Т.Г. Шевченко

НАН Украины

Дроздовский Дмитрий Игоревич
04070 Киев ул. Надежкино-Хрущева-
тическая 35 кв47.
+ 38 067 557 4443
drozdoovskiy@ukr.net

Д. И. Дроздовский

